

Оглавление

ОТ РЕДАКТОРА	6
I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА.....	8
Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.....	8
Проблема периодизации	8
Проблемы мифотворчества.....	23
Модернизм как новый тип художественного сознания. Модернизм и авангард.....	26
Концепция личности.....	33
Экзистенциальные мотивы. Эрос и Танатос	37
Амбивалентность этических ценностей.....	46
Мотивы Апокалипсиса.....	48
Творческая интеллигенция и революция	52
Революционные мотивы	57
Альтернатива «Восток–Запад».....	62
Литература	69
Глава 2. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В МОДЕРНИЗМЕ. СИМВОЛИЗМ	70
Диффузность течений	71
Философско-эстетические основы символизма.....	76
Теория символа	84
Эволюция символизма.....	89
Как трактовать кризис символизма?	93
Литература	98
Глава 3. АКМЕИЗМ.	99
Дискуссионность статуса.....	99
Телесность словесного образа.....	106
Акмеистская концепция слова	117
Литература	126
Глава 4. ФУТУРИЗМ.....	127
Из истории движения.....	127
Русский кубофутуризм. Поведенческая модель и игровая практика	128
Словотворческая работа («заумный язык», «сдвиг», «фактура»)	132
Литература	147
Глава 5. СУДЬБЫ РЕАЛИЗМА.....	148
Новаторство реализма XX в.	152
Реализм и натурализм	155
Неореализм	159
Реализм и романтизм	162
Социалистический реализм: проблема генезиса.....	166
Современные дискуссии. Смена интерпретаций	177
Литература	189
Глава 6. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ГРУППЫ 1920-Х ГГ.	191
Пролетарская литература и ВОКП.....	203

Литературные объединения и журналы русского зарубежья.....	212
Литература	214
Глава 7. ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ИСКАНИЯ.....	215
Уточнение понятий	215
Поэзия: новые жанровые дефиниции (циклизация, ролевая лирика) ...	218
Основные поэтические жанры, особенности стихосложения	223
Обогащение жанровой палитры прозы	248
Новые жанрово-стилевые тенденции в драматургии.....	262
Сатирические жанры.....	280
Литература	285
Глава 8. ПРОЕКЦИЯ «БОЛЬШИХ СТИЛЕЙ».....	287
Классицизм и барокко.....	288
Рококо	291
Романтизм и реализм	292
Импрессионизм.....	295
Экспрессионизм	299
Литература	304
II. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА 1930–1940-Х ГОДОВ.....	305
Глава 9. ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА .	305
Литература и социум. Идеологический прессинг	305
Судьба социалистического реализма. Возвращение к мимезису.....	316
Литература	323
Глава 10. ПРОЗА.....	324
Проблемно-тематическое и художественное своеобразие.....	324
Проза Великой Отечественной войны	345
Черты романтического стиля	356
Проза послевоенного периода.....	363
Литература	367
Глава 11. ПОЭЗИЯ	368
Лирика 30-х годов.....	368
Поэзия периода Великой Отечественной войны.....	376
Поэзия послевоенного периода.....	390
Поэзия русского зарубежья.....	392
Литература	401
Глава 12. ДРАМАТУРГИЯ	403
Своеобразие драматургических решений	403
Драматургия военных лет	411
Литература	424
Глава 13. ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТКРЫТИЕ ИНОВАЦИОНАЛЬНОГО МИРА	425
Романтическое решение темы.....	426
Реалистическое решение темы.....	432
Литература	441

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ.	442

ОТ РЕДАКТОРА

По мере удаления от XX столетия углубляется осознание его как целостной литературной эпохи. Для студента-филолога ее обобщающая характеристика выступает как конечная сверхзадача, решаемая на основе поэтапного рассмотрения литературного потока. Предлагаемое читателю издание охватывает русскую литературу первой половины XX в.

В качестве основного аспекта изучения авторы избрали позицию художника-творца. Лишь на ее основе интерпретация произведения будет не субъективно-произвольным толкованием текста, а действительно современным его прочтением, потребность в котором возникает в каждую переломную эпоху. Многообразие методологических подходов к изучению литературного произведения проявилось в различных типах его интерпретации, выбор которых определяется не только склонностями авторов глав, но и объектом изучения, целевым заданием. В наши дни, когда меняются представления об историческом процессе и открываются перспективы ничем не ограниченного объективного истолкования происходивших в XX столетии событий, мы считаем актуальной интерпретацию словесного творчества через философско-этическую и социологическую призмы. Последняя особенно целесообразна при изучении произведений советских писателей, которые сами такому подходу не были чужды, поднимали проблему «человек и история», рассматривали ее в широком историческом контексте революции и Гражданской войны, выявляя общечеловеческое как конкретно-историческое. В других случаях (а иногда и одновременно) оказалась целесообразной интерпретация текста сквозь призму мифопоэтики, традиций структурно-семиотического анализа, бахтинологии. Различие подходов к интерпретации художественного текста в одном издании не ведет к эклектике, ибо эти различия обусловлены сложной природой самого объекта изучения.

Предлагаемое издание построено по историко-хронологическому принципу. В соответствии с обоснованной авторами периодизацией в нем выделены разделы:

- I. Русская литература первой трети XX в.;
- II. Русская литература 1930–1940-х гг.;
- III. *Personalia*.

Наиболее подробно освещена литература первой трети XX в., ибо именно тогда сформировалось, достигло определенных вершин, порой и завершилось творчество многих художников слова, составивших славу и гордость русской литературы. Накопленный опыт и мера таланта давали писателям силы хотя бы на первых порах противостоять официозу, утвердившемуся в 1930-е гг. Внимание авторов к литературе первой трети XX в. соответствует реальному и огромнейшему вкладу этого периода в историю русского искусства.

В обзорных главах прослеживаются общие тенденции в развитии литературного процесса на каждом из его этапов, с выделением наиболее репрезентативных имен; уделяется внимание межнациональным связям русской литературы XX в. с ее устойчивым интересом к инонациональному миру.

В связи с дискуссионностью многих проблем истории русской литературы и отсутствием общепринятой интерпретации отдельных произведений и творчества писателя в целом в основу изложения учебного материала положены не только исследования авторов, но и обобщения наиболее значительных достижений современного литературоведения по различным темам курса. Авторы стремились донести до студентов разные точки зрения, дать комплексный источник литературоведческой информации, который стал бы лоцманом в книжном море, помогающим в составлении необходимой библиографии.

I. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Глава 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Проблема периодизации

В недавнем прошлом в основе характеристики историко-литературного процесса в России лежали события политической истории. В настоящее время звучит призыв развести историю литературы с историей общественной мысли, раскрыть в ней эволюцию повествовательных и поэтических форм, жанров. Разумеется, для литературы как искусства слова имманентное (внутреннее) развитие наиболее важно, только на основе его данных можно представить глобальную картину художественной эволюции как смену литературных направлений и стилей. Но прав и известный польский русист Анджей Дравич: невозможно сегодня делать вид, что, например, в 1953 г. (смерть Сталина, ослабление тоталитарного режима) культурные тенденции изменились вследствие перемены литературных стилей. Бывают эпохи, когда социальные катаклизмы приобретают первостепенное значение для судеб искусства; его развитие вписывается в общую парадигму времени, о котором пророчески писал Александр Блок в поэме «Возмездие»:

Двадцатый век... – еще бездомней,

Еще страшнее жизни мгла...

Русская литература XX в. неотрывна от трагической истории России, поэтому в основу ее периодизации положены наиболее резкие повороты в жизни общества. Надо, однако, помнить, что реалии жизни, сколь значительны они ни были, непосредственно сказываются лишь на литературной жизни, на мироощущении художника, но в художественном творчестве в основном проявляются лишь исподволь, с течением времени. Для методологического обоснования периодизации литературы важна соотнесенность общественно-исторических и имманентных факторов литературного развития.

Еще одно предварительное замечание. Жесткой периодизации, которая обретает вид некой самодовлеющей хронологической сетки, наброшенной на живую плоть литературы, современные исследователи противопоставляют циклизацию, при которой не деформируются естественные связи между явлениями. При этом учитывается множественность смыслов происходящих в литературе процессов, образующая некое сверхъединство. Это избавляет от упрощенно-прямолинейной подачи «общих черт» того или иного периода. Отсюда внимание к «узлам» (К. Эрберг) – достаточно хаотичным явлениям переходности, при которых сосуществуют явления завершающихся и зарождающихся литературных эпох. Своеобразие русской литературы XX в. и определяется таким «узлом» – широко понимаемым порубежьем,

включающим в себя и 1890-е гг. и 1900-е. Тем самым литературоведение отходит от «одномоментной» трактовки границ между литературными эпохами.

В этот период завершился литературный XIX в., представленный творчеством Л. Толстого, А. Чехова, В. Короленко и, *одновременно*, начался литературный XX в. – предмет нашего учебного курса. В определении нижней границы литературного XX в. недостаточно назвать какой-то один год. В советском литературоведении с его политическими приоритетами литературным рубежом считался 1895 г. – год образования ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Но и год публикации книги Д.С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (Пб., 1893) – лишь звено общей цепи, укорененной в целом десятилетии. Это хорошо понимал еще известный ученый начала прошлого столетия С.А. Венгеров, автор специальной статьи по данной проблеме и редактор основополагающего литературоведческого труда¹, включающего в себя и характеристику 1890-х гг. В наши дни глубокую характеристику эпохи порубежья дает В.А. Келдыш: «Решающий сдвиг произошел с возникновением принципиально новой художественной структуры (оппозиция «реализм–модернизм»), под знаком которой развивался весь последующий отечественный художественный процесс...». Исследователь подчеркнул, что именно это обстоятельство «позволяет считать началом новой литературной эпохи последнее десятилетие XIX в.»²

Отошел в прошлое и такой популярный ранее рубеж литературных эпох, как 1917 г. Последний делил историю русской литературы XX в. на два изолированных курса; дробилось даже монографическое изучение творчества отдельных писателей – Блока, Горького, Маяковского, Есенина, А. Толстого. 1910-е и 1920-е гг. резко противопоставлялись друг другу, ибо 1917 г. трактовался как начало «новой эры в художественном развитии человечества». Но был ли 1917 г. рубежом, определяющим периодизацию литературы? На это событие откликнулась прежде всего поэзия, наиболее чуткая к происходящим общественным катаклизмам: Блок, Маяковский, Есенин, Белый – перечень имен будет достаточно обширным. Но кардинальных перемен в литературном процессе сразу произойти не могло. В таком случае 1917 г. – лишь важнейшая историческая дата в рамках указанного периода; то же можно сказать и о 1922, и о 1925 гг., которые теперь в научной и учебной литературе нередко отмечаются как рубежные. Однако если говорить о конкретном годе (хотя один год вряд ли может быть рубежом), то целесообразно назвать 1929 г. Важность именно этой даты хорошо видится как со стороны (польские русисты считают, что период более или менее нормального существования истории русской литературы

¹ Русская литература XX века. В 3 т. / Под ред. С.А. Венгерова. – М., 1914–1918.

² Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). В 2 кн. Кн. 1 / Отв. ред. В.А. Келдыш. – М., 2000. – С. 8.

продолжался до 1929 г.), так и изнутри самой литературы. В 1929 году в связи с изменением политической обстановки стало ясно, что потерпели крах надежды А. Ахматовой на издание двухтомника ее стихотворений. Добавим, что на этот год пришлось разгром школы В. Переверзева и трагический перелом в истории крестьянской России.

Таким образом, первый этап в русской литературе минувшего столетия может быть определен как «Литература первой трети XX в.». Наша позиция³, вызвавшая бурные дискуссии в начале 1990-х гг., в настоящее время подкрепляется выводами зарубежных литературоведов⁴ и отечественной практикой выносить понятие «русская литература первой трети XX века» в название трудов⁵. Основным аргументом в обосновании такой периодизации является сама возможность целостной характеристики литературы первой трети века, чему посвящена данная глава. Пока же приведем некоторые аргументы и из сферы литературной жизни⁶.

Для развития литературы имела значение сама атмосфера революционной эпохи, которая началась не в 1917-м, а в годы, предшествовавшие Первой русской революции. Последнюю раньше рассматривали как «репетицию» Октября, между тем некоторые современные политологи не без оснований считают, что начало поистине нескончаемой Гражданской войны в России, сказавшейся и на содержании литературных произведений, и на судьбах их творцов, приходится не на 1917-ый, а на 1905 г. Первая русская революция оказала колоссальное влияние на самосознание писателей, начавших активную борьбу с цензурой, многократно усилила социальную активность искусства. Цензура осталась, но права ее были существенно ограничены. К 1913 г. в стране имелось уже 575 независимых издательств. К 1917 г. в России все классы и их партии имели собственные, независимые от правительства газеты. Февральская революция также оставила определенный след в литературной жизни. Завоеванная Февральской революцией свобода печати была закреплена Временным правительством (Постановление от 27 апреля 1917г.).

³ Егорова Л.П. К проблеме периодизации русской культуры XX века // Проблема эволюции русской литературы XX века. – М., 1994. – С. 59–60.

⁴ Historia literatury rosyjskiej XX wieku / Praca zbiorowa pod red. Andrzeja Drawicza. – Warszawa, 1997.

⁵ См.: Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. – Томск, 1999; Русская литература первой трети XX века в контексте мировой культуры. – Екатеринбург, 1998; Давыдова Т.П. Творческая эволюция Евгения Замятина в контексте русской литературы первой трети XX века. – М., 2000; Заманская В.В. Экзистенциальное сознание в русской литературе первой трети XX века. – Магнитогорск, 1999; Русская художественная культура первой трети XX века: грани синтеза. – Киров, 2001; Русская художественная культура первой трети XX века. Проблемы межвидовой поэтики. – Киров, 2001; Иванюшкина И.Ю. Утопическое сознание в русской литературе первой трети XX века. – Саратов, 1996; Воронин В.С. Взаимодействие фантазии и абсурда в русской литературе первой трети XX века... – Волгоград, 2000; и др.

⁶ Обращаем внимание читателей на новую серию изданий ИМЛИ РАН, отражающую всю полноту фактов литературной жизни в России: Летопись литературных событий в России конца XIX – начала XX в. 1891 – октябрь 1917. Вып. 1. 1891–1900 / Ред.-сост. М.Г. Петрова. – М., 2002 и последующие выпуски.

Находившиеся в оппозиции большевики в апреле 1917г. издавали 17 ежедневных газет тиражом 1,4 млн. экземпляров.

Приветствуя прежде всего свободу слова, писатели тем не менее увидели угрозу ей как в нарастающей анархии, так и в агитации большевиков. Характерно письмо К. Паустовского от 25 апреля 1917 г. Став свидетелем бесчинства солдат, он замечает: «Тогда первый раз стало тревожно. Достоин ли русский народ принять свободу?...» После описания большевистского митинга Паустовский размышляет: «... Неужели народ, переживший счастье революции, народ, которому открыли, дали возможность небывалого духовного перерождения, неужели он впитает эту брызжущую ненависть... Провозгласив принцип братства, прежде всего стали искать врагов».

Летом 1917 г. вышли статьи Е. Чирикова «Что вы молчите?», призывающая правительство к решительным действиям против большевиков, и В. Вересаева «Бей его!», направленная против самосудов. Осенью цензурные запреты возобновились, но участь слабого Временного правительства была решена.

Октябрь внес изменения в литературную жизнь сразу и большие. Следуя логике революционного переворота, большевики отреклись от прежних лозунгов свободы печати, и все буржуазные газеты, по свидетельству Джона Рида, были сброшены с печатных машин. 27 октября (9 ноября) вышел Декрет о печати, и хотя запреты объявлялись лишь временной мерой, общественность отреагировала на них однозначно. В Петрограде вышла однодневная «Газета-протест», в которой выступили В. Короленко, Ф. Сологуб, З. Гиппиус, Д. Мережковский. Выражая всеобщее чувство стыда и негодования, В. Короленко назвал партийную цензуру худшей и самой унижительной из цензур. З. Гиппиус полагала, что перед писателями стоит все та же стена, «хотя окрашенная не в белый, а в красный цвет».

Начались аресты журналистов, что вызвало серьезные разногласия между Луначарским и Лениным; острая борьба мнений о свободе печати захватила ЦИК. 19 ноября 1917 г. прошел многолюдный митинг в Москве, а Союз писателей принял специальную резолюцию, опубликованную в газете «Утро России». Спустя неделю аналогичный митинг прошел в Петрограде, где с блестящей речью выступил Д. Мережковский: «Из убитого самодержавия романовского вышел упырь самодержавия ленинского».

В мае 1919 г. был создан Гослитиздат, что означало государственную монополию на издательскую деятельность, а в 1922 г. – Главлит (цензурный комитет). Писатели продолжали сопротивляться⁷. В 1921 г. Союз писателей подготовил первый номер «Литературной газеты»⁸, где Е. Замятин с возмущением констатировал: «Вольная птица – литература – вырождается в

⁷ См.: Протесты Всероссийского союза писателей против цензурного террора (1920–1921) / Публикация А. Блюма // Вопросы литературы. – 1994. – №4. – С. 275–289.

⁸ Опубликован в наши дни: Литературное обозрение. – 1991. – №2. – С. 96–112.

домашнюю утку», – и протестовал против «гильотины слова». И хотя этот номер «Литературной газеты» не увидел света, но он свидетельствовал о серьезной и планомерной борьбе писателей за свободу слова, тогда как в 1930-е гг. подобных акций уже не было. По словам Святополка-Мирского, русская литература после 1917 г. дала урок благородной, терпеливой и мужественной отваги.

Конечно, творческой свободы после революции стало меньше, появились зловещие факты массовых, хотя и кратковременных арестов литераторов; трагично закончилось «таганцевское дело», предопределившее судьбу Н. Гумилева. Указанные факты – лишь один из примеров крупномасштабного террора новой власти, когда «смертная казнь... была восстановлена в пределах, до которых она никогда не доходила и при царском режиме» (С. Мельгунов, «Красный террор»). Но в отличие от 1930-х гг. факты литературного творчества, в вину писателям не вменялись и не становились поводом для расстрела. Что касается арестов, то не будем сбрасывать со счетов и преследование писателей в начале века, когда в тюрьмах и ссылках побывали не только Горький, Серафимович, Маяковский, но и Бальмонт, Андреев, Замятин и др. В автобиографии 1926 г. Е. Замятин писал: «Сидел в одиночке пока всего только два раза: в 1905–1906 гг. и в 1922 г.; оба раза – на Шпалерной и оба раза по странной случайности в одной и той же галерее». Кроме того, революционные репрессии в литературной среде после революции были не сопоставимы с чистками писательских организаций, начало которым положил рубеж 1920–1930-х гг. В действиях властей еще было много непоследовательного: Троцкий на многие десятилетия задержал выход в свет повести М. Пришвина «Мирская чаша», считая, что с политической точки зрения она «сплошь контрреволюционна», но он же добивался отмены запрета на издание повести Б. Пильняка «Иван да Марья». Сталин питал непонятную с общепринятой «пролетарской» точки зрения слабость к пьесе М. Булгакова «Дни Турбиных», хотя «Собачье сердце» и «Белая гвардия» были запрещены. В 1926 г. у подписчиков отбирали экземпляры «Нового мира» с опубликованной в ней повестью Б. Пильняка «Свет непогашенной луны», но пять-десять лет спустя даже сам факт появления в печати подобного произведения был уже немыслим. Роман В. Вересаева «В тупике», раскрывающий правду не только о белом, но главным образом о красном терроре, напечатали с разрешения верховной власти, и до конца 1920-х гг. он выдержал восемь изданий, только позже его запретили и изъяли из библиотек. Все статьи расстрелянного большевиками Н. Гумилева были собраны в отдельную книгу «Письма о русской поэзии» (Пг., 1923) – факт, также невозможный в 1930-е гг. К тому же примеры цензурных запретов в 1920-е гг. (при всем том, что в 1922 было создано главное управление по делам печати) по своим масштабам вряд ли выходили за рамки того, что происходило в 1910-е гг.: тогда не только «Облако в штанах» В. Маяковского вышло «перистым», потому что «цензура в него

дула», но и посмертное издание произведений Л.Н. Толстого подверглось цензурированию, были запрещены пьеса Блока «Незнакомка» и отдельные его стихи.

Цензурные запреты в 1920-е гг. еще не исключали полемики и возможностей ведения дискуссий. Большинство писателей составляли оппозицию новому режиму. Были, конечно, известны исключения (свидетельствующие, кстати, об очень важных сдвигах в культурной парадигме): В. Брюсов, А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин, Н. Клюев, отчасти А. Белый, первое время – В. Ходасевич, но считать всю русскую поэзию пробольшевистской было нельзя. По свидетельству ЧК 70% петроградской интеллигенции «стояло одной ногой в стане врага» и не помышляло о сотрудничестве, стараясь жить, по выражению В. Шкловского, «мимо большевиков». В Москве на заседании «Среды» в декабре 1917 г. из кружка буквально был изгнан А. Серафимович за сотрудничество в большевистской газете «Известия». Октябрьский штурм Зимнего воспринимался многими как кровавая и страшная альтернатива подлинной революции – Февральской: *«Народ, безумствуя, убил свободу, и даже не убил – засек кнутом?»* – писала Зинаида Гиппиус, сопровождая стихи пророчеством: *«И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой, Народ, не уважающий святынь!»*

Борьба писателей за свободу слова была неотрывна от протеста против террора в целом. Даже М. Горький, признанный «буревестник» революции, певец класса, во имя которого она якобы совершалась, открыто выразил свое отношение к революционному террору. Его «Несвоевременные мысли» можно сопоставить с «Окаянными днями» И. Бунина, с «Письмами Луначарскому» В. Короленко. В дневнике К. Чуковского зафиксировано: «Ругают большевиков все – особенно большевик Горький». Осознав свое бессилие перед террором Зиновьева, Горький, по настоянию В.И. Ленина, в 1922 г. уехал за границу.

Первая волна русской эмиграции набирала силу, раскол русской интеллигенции и русской литературы становился трагической реальностью. И все же в 1926 г. Святополк-Мирский еще рассматривал обе ветви литературы как единую: «Мы не щепки в бурю, а клетки одного организма». В первой половине 1920-х гг. еще не было железного занавеса, который надолго разделил русскую литературу на два изолированных потока, продолжался плодотворный период сотрудничества писателей, оставшихся в России и эмигрировавших из нее, не прерывалось личное общение. Пик эпистолярия Цветаевой и Пастернака пришелся на 1926 г. Книги писателей-эмигрантов печатались в России; в числе последних, вышедших в СССР, была «Митина любовь» И. Бунина, изданная в Ленинграде в 1926 г., а советские авторы печатались за рубежом, прежде всего в Берлине, где обосновались известные дореволюционные издательства Гржебина и «Петрополис». Статьи В. Маяковского, Б. Пильняка, И. Эренбурга

печатались в берлинском журнале «Новая русская книга», ибо создатели журнала видели в нем «мост, соединяющий русскую и зарубежную печать». Между эмигрантскими писателями и советскими, приезжавшими в Берлин, не во всех случаях можно было провести строгую грань.

Единство литературного развития в метрополии и за рубежом подтверждается состоянием литературной критики. Эмигрантская критика проявляла естественный интерес к произведениям, выходящим в России, а советские журналы, особенно «Печать и революция», подробно освещали литературную жизнь русского зарубежья. В 1920-е гг. и по ту сторону границы давались оценки – в том числе и положительные – многим произведениям советской литературы, а колоритная фигура князя Д. Святополка-Мирского, вернувшегося в СССР в 1932 г. и расплатившегося за это жизнью, олицетворяет собой своеобразное единение этих двух потоков русской критической мысли. Только в 1930-е гг. критика стала проводником литературного террора, средством ликвидации инакомыслия и, как было справедливо замечено, лучшие критики 1920-х гг. А. Воронский и В. Полонский не стали критиками 1930-х. Переходя к дискуссии с заранее заданным решением⁹, она фактически слилась с цензурой¹⁰. Именно тогда началась эпоха литературного террора: если раньше, говоря словами В. Ходасевича, цензура и критика преследовали лишь вредное, то теперь вредным объявлялось бесполезное для властей. Запреты дополнялись (это было самое страшное) подробнейшими указаниями, что и как должен писать подцензурный автор. Такая ситуация прежде всего сказалась на судьбе сатиры, достигшей заметных успехов в 1920-е гг. (Зощенко, Ильф и Петров, Платонов, Маяковский).

При характеристике русской литературы 1920-х гг., органически связанной с предшествующими десятилетиями, надо учесть и то, что в период НЭПа – с 1921 г. возродились частные издательства, которые просуществовали до 1931 г. Именно в этот год изменилась издательская модель, изменилось законодательство, а до этого положение дел было более или менее сносным. Как бы ни свирепствовали цензура и рапповская критика, у писателей, пока работали частные издательства, оставалась возможность материальной независимости. Тенденции жесткого контроля власти над литературой *в полной мере* сказались на творчестве писателей только в 1930-е гг., позволяя выделить первую треть XX в. как целостный период литературного развития.

Итак, мы предлагаем следующую периодизацию русской литературы первой половины XX в.

1. Литература первой трети XX в.

⁹ Кормилов С.И., Скороспелова Е.Б. Литературная критика в России XX века (после 1917 года). – М., 1996. – С. 10–14.

¹⁰ См.: Блюм А.В. Советская цензура в эпоху тотального террора. 1929–1953. – СПб., 2000. – С. 195.

На рубеже веков, начиная с 1890-х гг., в русской литературе формируется новый тип художественного сознания – модернизм. Наряду с традиционным реализмом возникают новые литературные течения – символизм, акмеизм, футуризм, «пролетарская литература», впоследствии получившая название литературы социалистического реализма, и др. Определение «эпоха модернизма» подразумевает указанное многообразие художественных тенденций и течений. Взаимодействуя между собой, они оказывали влияние на традиционные формы искусства (реализм начала века нередко называют неореализмом).

Трудно переоценить значение этого периода в истории отечественной литературы, давшего блестящие созвездия писательских имен. Для многих писателей-классиков это был период, в котором определился их творческий путь (Горький, Бунин, Белый, Цветаева, Пастернак, Ахматова и мн. др.), а в ряде случаев и завершился (у Андреева, Гумилева, Блока, Есенина, Маяковского). Новая генерация писателей, пришедшая в литературу в 1920-е гг., впитала плодотворный дух художественного плюрализма и, несмотря на унифицирующее воздействие идеологии победившего большевизма, представлена многими яркими творческими индивидуальностями (М. Булгаков, А. Платонов, М. Шолохов, А. Фадеев, К. Паустовский, М. Зощенко, Л. Леонов, А. Фадеев и др.). Почти до конца периода сохранялись живые творческие связи с писателями русского зарубежья (И. Шмелев, Б. Зайцев, И. Сургучев); русская литература обогатилась новыми именами (В. Набоков, Г. Газданов, М. Алданов и многие другие), также во многом определившими художественные открытия первой трети XX в.

2. Литература 1930 –1940-х гг.

В условиях господства тоталитарного режима установилось безраздельное царство нормативной «эстетики» социалистического реализма. Это была пора жесточайшей цензуры и травли инакомыслящих на государственном уровне, пора писательских покаяний, откровенной политической конъюнктуры и массовых репрессий. В сталинских застенках погибли П. Васильев, Н. Клюев, С. Клычков, И. Бабель, О. Мандельштам, И. Катаев и многие-многие другие.

В этот период продолжали творить крупные писатели дооктябрьской России – А. Толстой, М. Пришвин, А. Ахматова, Б. Пастернак – и сформировавшиеся в 1920-е гг. – М. Булгаков, А. Платонов, М. Зощенко, Л. Леонов, М. Шолохов, А. Фадеев. Однако ликвидация художественного плюрализма, образование подконтрольного ЦК партии Союза советских писателей (1934) пагубно сказались на творческой судьбе и некоторых писателей, успешно дебютировавших в 1920-е гг. (Э. Багрицкий, Ю. Олеша, Н. Тихонов) и особенно на судьбе дебютантов 1930-х гг. Даже учитывая, что именно это поколение понесло в годы войны невосполнимую утрату потенциальных художественных открытий, единственность состоявшейся, по

большому счету творческой судьбы А. Твардовского, свидетельствует о трагизме ситуации как в литературе, так и в обществе в целом.

В рамках периода идейно значимы героико-трагические годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., давшие блестящую публицистику, фронтовую новеллу (А. Толстой, Л. Соболев и др.), поэзию А. Твардовского, О. Берггольц, М. Исаковского, первые опыты военной прозы, пьесы Л. Леонова, Е. Шварца и др.

Трагизм литературной ситуации, сложившейся в 1930-е гг., усугубило первое послевоенная действительность (Постановление ЦК ВКП(б) 1946–1948 гг. о литературе и искусстве, травля Ахматовой и Зощенко). Несмотря на отдельные удаchi послевоенной литературы (В. Некрасов, В. Панова), кризисное состояние литературы социалистического реализма не могли скрыть десятки Сталинских премий в области литературы и искусства.

«Серебряный век» – метафора или реальность?

С проблемой периодизации связан и вопрос о корректности определения *серебряный век*, получившего широкое распространение в постсоветский период. Первоначально он связывался только с поэзией, а в дальнейшем стал синонимом русской литературы XX в. дооктябрьского периода. В своей вузовской практике автор этих строк всегда подчеркивал, что понятие серебряный век – не хронологическое, а оценочное, ибо трудно согласиться, например, с тем, что в сборник «Сонет серебряного века» (М., 1999) включены сонеты Д. Бедного, что в обзорных статьях по данной проблематике значилось имя Маяковского, разрушающего традиционные для этого «века» поэтические каноны. Определение *поэзия Серебряного века*, на наш взгляд, может быть соотнесено лишь с произведениями символизма, акмеизма, эгофутуриста И. Северянина или реалиста И. Бунина, то есть *выборочно*, в том эмоциональном ключе, который использовал Горький, говоря о таланте Бунина, «прекрасном, как матовое серебро». Тем не менее даже в «Энциклопедии для детей» (М., 2000) серебряный век определяется как «период расцвета русской литературы в начале XX века», хотя в конкретной статье «Что такое литература серебряного века?» он в основном соотнесен только с символизмом.

Еще более безоглядным было употребление этого понятия за рубежом: в кругу русской эмиграции и зарубежных русистов оно стало популярным с конца 1950-х гг., и даже том известной «Истории русской литературы» (1995) под ред. Жоржа Нива, Витторио Страды и др., написанный еще в 1980-е гг., назывался «Серебряный век», хотя содержит главы не только о модернистах, но и о А. Чехове, Л. Андрееве, И. Бунине, Н. Евреинове, В. Хлебникове, А. Крученых, группе «Сатирикон», о религиозных философах и критиках этого

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru